

М. И. ВЕНЮКОВ ЗА РУБЕЖОМ ОСТАЕТСЯ С РОССИЕЙ

Михаил Иванович Венюков (1832—1901) — выдающийся русский ученый, географ-путешественник и общественный деятель. Он был действительным членом Географических обществ в Париже, Женеве, Лондоне и др., член Парижского Топографического общества, С.-Петербургского общества естествоиспытателей, общества исследователей Амура в Хабаровске, членом Русского Географического общества.

Выходец из бедной дворянской семьи Рязанской губернии, он рано познал невзгоды сельской жизни во времена крепостного права, испытал нужду и тяготы военной службы. Он прошел путь от кадета до генерала русской армии, крупного специалиста — военного географа. Будучи военным, он посвятил свой общеобразовательный и научный уровень как самостоятельно, так и посещая лекции профессоров С.-Петербургского университета, а затем и университетов Западной Европы. Воспитанный на революционно-демократических идеалах русского общества, М. И. Венюков разделял их взгляды и был близок к силам, противостоявшим самодержавию. Его антипатии к правящим кругам переросли в протест, выразившийся в разрыве с господствовавшей властью и эмиграции в Западную Европу. В 1877 г., в возрасте 45 лет, в расцвете творческих сил, он покидает Россию и живет то в Швейцарии, то во Франции. В течение четверти века, вдали от Родины, от близких знакомых М. И. Венюков продолжает жить и работать для своего народа и России. Он много путешествует: побывал в Африке, Азии и Америке. О своих исследованиях часто докладывает Академии наук в Париже, местным географическим обществам. Его яркие доклады и публикации в научных журналах в России и за рубежом привлекали внимание европейских ученых и расширяли научные связи с русскими учеными. Особенно важными были его публикации и выступления в странах, малоизвестных в России, и сообщения в зарубежных изданиях о достижениях русских ученых.

Еще в 50—60-е годы XIX столетия талантливые статьи Венюкова об исследованиях бассейна реки Уссури, озера Исык-Куль, регионов северного Кавказа привлекли внимание научной общественности. В 1863—1867 годах он служил в Польше, где написал обобщающую работу о физико-географической науке,

опирающуюся на достижения ученых того времени. Он посвящает много времени изучению истории географических знаний, географическому описанию южных пограничных с Россией стран. В 1869—1870 гг. Венюков ознакомился с Индией, Японией и Китаем, направляясь через Суэцкий канал и Индийский океан для исследования северного Китая. Однако, его путешествие было прервано ввиду прекращения финансирования экспедиции. В результате этой поездки Венюков публикует ряд работ, в том числе монографию о Японии и Китае. Эти работы были переведены на европейские языки и высоко ценились специалистами. По возвращении из Китая Венюков работал над составлением военно-географического описания российско-азиатских пограничных окраин от Каспия до Тихого океана. С этой задачей он справился блестяще. Его сочинения были переведены за рубежом и являлись первоисточником для военных и гражданских географов и других специалистов. О своих исследованиях Японии и Китая Венюков читает лекции в Академии Генерального штаба. В 1873 г. Ученый совет Русского Географического общества избирает его ученым секретарем Общества, в котором он в течение нескольких лет ведет плодотворную организационную, научную и редакционную работу.

Мировоззрение М. И. Венюкова, возросший научный авторитет и непримиримость к властвующей элите вызывали ненависть со стороны правящих и военных кругов. Интриги против него принимают утонченные формы. Ему создают различного рода препятствия, в результате которых он не смог продолжать военную службу и научную деятельность. М. И. Венюков решает покинуть свою Родину, «освободиться от рабства», по его словам, и служить ей за рубежом. Поводом к этому послужила командировка Венюкова в Красноводск на неопределенное время, которую он называл маскированной ссылкой. В практике российской жизни такие перемещения беспокойных для властей лиц были обычным явлением. М. И. Венюков не выдержал и подал в отставку, а затем нелегально выехал из С.-Петербурга в Хельсинки и Стокгольм. Оттуда — в Швейцарию и Францию.

С грустью М. И. Венюков покидает Россию. «Там сзади,— записывал он,— оставалось все, что было дорого сердцу в течение 46 лет, а тут впереди, не виднелось ничего — ничего кроме **свободы**. И я взял свободу, конечно, но без сожаления о некоторых счастливых исключительных минутах рабства, но с твердой решимостью: оставаясь русским, не возвращаться в Россию, иначе, как на службу свободы же».* В дороге Венюков пишет

* М. И. Венюков. Из воспоминаний. Кн. 3. Амстердам. 1901, с. 4.

письмо Александру II, где обвиняет царское самодержавие в насилии над свободой личности, разоблачая царящий в России произвол и рабство. «Можно лишить меня,— писал Венюков царю,— полученных в течение 26 лет внешних отличий, которых суетность мне была всегда совершенно ясна, можно вычеркнуть мое имя из списка русских граждан, но нет силы, которая бы могла исключить меня из числа преданных сынов русской земли».*

Характеристику самодержавия и общественной жизни России Венюков дал позже в своем сочинении «Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. 1855—1878 гг.» (1878—1880, в 4-х томах).

М. И. Венюков не вернулся из эмиграции в Россию. Он умер в одиночестве в Париже 17 июля 1901 года, оставаясь преданным Родине. Собранные им сбережения и архив он завещал Русскому Географическому обществу и его Хабаровскому Отделу. На средства Венюкова Русское Географическое общество учредило именную золотую медаль, присуждаемую, по завещанию Венюкова, за исследования Азии. Первая, и единственная, медаль имени М. И. Венюкова, была присуждена в 1917 году В. К. Арсеньеву за исследования в Уссурийском крае. О ее вручении награжденному нам неизвестно. Мировая война и революция 1917 года погребли многие добрые начинания.

За рубежом М. И. Венюкова ни на минуту не оставляют думы о России, ее людях. Он активно сотрудничает с русскими учеными, встречается с ними за рубежом, публикует свои работы в русских и зарубежных изданиях, ведет переписку с Н. М. Пржевальским, В. В. Докучаевым, А. А. Тилло, В. Большевым и др., встречается с А. И. Гергеным, П. А. Кропоткиным, П. А. Чихачевым и др.

Особой заботой М. И. Венюкова являлась пропаганда научных достижений русских ученых за рубежом. Убедительным подтверждением этого является переписка с Н. М. Пржевальским, которую он вел из Франции в 1877—1888 гг.** М. И. Венюков был знаком с Пржевальским с юношеских лет, учился с ним в Академии Генерального штаба, служил вместе в Польше. Для них обоих характерны идейная общность и стремление к географическим исследованиям. Как известно, Н. М. Пржевальский повторил исследования Уссурийского края (1867—1869), а затем продолжил путешествия в Китай.

*М.И. Венюков. Из воспоминаний. Кн. 3. Амстердам. 1901, с. 3.

** Письма М. И. Венюкова к Н. М. Пржевальскому хранятся в Архиве Русского Географического общества в С.-Петербурге, фонд Пржевальского, 19 писем за 1877—1888 гг.

Переписка М. И. Венюкова с Н. М. Пржевальским продолжалась до последних дней жизни Пржевальского, который совершил за это время четыре экспедиции в Центральную Азию и готовился к пятому путешествию — в Тибет.* Она освещает не только взаимоотношения между двумя историческими личностями России, но и выступает свидетельством сотрудничества ученых России и Франции. Она важна для истории географической науки и выяснения влияния русской географической науки на мировую науку.

Содержание писем М. И. Венюкова пронизано искренней любовью и преданностью к Пржевальскому, гордостью за его подвиг, прославлявший русскую науку, за то, что пальма первенства в изучении Центральной Азии досталась России и русскому народу. Из писем Венюкова мы узнаем какой глубокий интерес проявляла научная общественность Западной Европы к путешествиям Пржевальского и как широко Венюков пропагандировал его исследования за рубежом. М. И. Венюков часто выступал в географических обществах Женевы, Парижа и др., в Парижской Академии наук или привлекал к сообщениям местных ученых. Он публиковал обзоры о ходе экспедиций Пржевальского, их результатах в научных изданиях, переводил на иностранные языки отдельные разделы его произведений. «Я рад очень,— писал Венюков Пржевальскому в апреле 1877 г.— что в течение зимы, которую провел в Париже, мог сообщить известия о Вас тамошнему Географическому обществу».** В другом письме, готовясь к географическому конгрессу в Венеции, 6 (18) февраля 1881 г. он писал из Женевы: «Свободно избрав себе службою России обязанность знакомить Европу с тем, что у нас, в научном мире, делается замечательного, я рад сказать на родине Марко Поло, что его главный продолжатель — мой соотечественник, из «Московии». Очень жалею только, что Вы сами не явитесь на конгресс в Венецию».

По получении книги Н. М. Пржевальского о его третьем путешествии в Центральную Азию, М. И. Венюков знакомит с результатами экспедиции научную общественность во Франции, Англии и других странах Западной Европы. 7 (19) июня 1883 г. он писал Н. М. Пржевальскому: «В бывшем прошлую

* Н. М. Пржевальский скоропостижно скончался от брюшного тифа 20 октября 1888 г. в г. Караколе, ныне Пржевальск, на Иссык-Куле. Каракол был исходным пунктом для его путешествия в Тибет.

** Архив Русского Географического общества. СПб., ф. Пржевальского. Письмо М. И. Венюкова к Н. М. Пржевальскому, от 23 апреля 1877 г., в дальнейшем все цитаты из писем М. И. Венюкова приводятся из того же архива Русского Географического общества ф. Пржевальского.

пятницу заседании Парижского Географического общества Ваше «Путешествие» было great attraction для публики. Председатель собрания, старик, африканский путешественник, Аббади приветствовал появление такого важного труда и выразил сожаление, что французского перевода, по-видимому, придется ждать некоторое время». И далее: «Сегодня я условился с одним членом института представить книгу Академии библиографические сообщения в заседаниях не допускаются, но для Вашего сочинения, по причине его высокого интереса, будет сделано исключение, на что и получено уже согласие председателя».

«Получил я Ваше письмо из Чайбана и порадовался, что Ваша экспедиция совершается благополучно,— писал М. И. Венюков из Парижа 26 июня 1884 г.— Разумеется в ближайшем заседании географического общества я сообщу об этом, но воздержусь от изложения Ваших дальнейших планов, чтобы о них не было дано знать по телеграфу в Индию».

«Здесьние географические общества,— вновь писал М.И. Венюков из Парижа 19 (31) декабря 1885 г.,— были, конечно, извещаемы мною своевременно о всех главных обстоятельствах Вашей экспедиции, поэтому Монуар* написал о ней в своем годовом отчете несколько страниц, гораздо более чем о какой-либо другой, во всех частях света, хотя бы то была экспедиция французская».

М. И. Венюков не ограничивается только популяризацией научных достижений Н. М. Пржевальского, он был активным помощником и советником в решении многих вопросов, возникавших у Н. М. Пржевальского. М. И. Венюков пересылает новейшие карты исследуемых Пржевальским районов, выходящие во Франции и Англии, статьи и работы зарубежных ученых и путешественников по Тибету, Китаю и другим странам. Венюков оказал непосредственное влияние на разработку плана и ход четвертого путешествия Пржевальского. Пржевальский прошел именно тем путем, который был рекомендован Венюковым. Вот что писал Венюков Пржевальскому из Парижа 8 июня 1883 года по поводу плана его очередной экспедиции в Центральную Азию:

«Конечно, забираясь в такую даль, как Алашань, истоки Желтой реки, Тибет например, не стоит ограничиваться мелкими экскурсиями, хотя бы они были очень плодотворны для естествознания, нужно кроить вещи на широкую ногу и стараться охватить возможно большее пространство. И в этом смысле

*Монуар — секретарь Парижского Географического общества.

на Ваш план нельзя представить возражений. Но нечто, возбуждающее сомнения, а именно: Вы уже испытали недоверчивость тибетского, собственно, конечно, китайского правительства относительно пути в Лхассу. Едва ли не будет того же и теперь, причем легко могут допустить Вас до некоторого пункта внутри Тибета, а потом предложат вернуться назад. Это, следовательно, выйдет потеря времени, средств и усилий, да еще хорошо, если на совершенно новом пути, а как на старом, уже известном? Вот почему я позволю себе думать, что лучше бы Вам вовсе отложить исполнение первой части Вашего проекта, т. е. исследование путей от истоков Желтой реки на Лхассу, Батан или Чио-литу, тем более, что больших **открытий** тут сделать нельзя. Не лучше ли было бы посмотреть «Звездное море» и ... (неразб.) повернуть вдоль этой реки на СЗ и, следуя южнее или севернее Куэнь-луня, на Чокарты или Индерты, выйти к Хотану, а оттуда на Памир и домой через Шугнай и Дарваз. Сумма **неизвестного**, необетованного на этом пути выйдет больше, чем на том, который очерчен в Вашем письме, а политических затруднений, вероятно, встретится меньше. Да и разделение экспедиции, хотя бы на время, надобности не встретит и подобное разделение всегда неудобно и может много испортить в осуществлении плана всего предприятия.

Впрочем, не берусь выдавать мой проект за лучший, а только еще раз повторяю, восточная половина Тибета, от линии Лхасса — Куунор, уже порядком известна, в общих чертах. Последний пункт немало дополнил прежние сведения, северо-западный же Тибет есть настоящая, бесспорная *terra incognita*.

6 сентября 1884 г. М. И. Венюков пишет письмо Н. М. Пржевальскому, уже находящемуся в Центральной Азии: «Последние газетные известия показывают, что в прошлом мае месяце Вы находились на верховьях не Ян-цзы-Цзяне, а Хуан-хэ, но я готов думать, что тут есть недоразумение, ибо Вы мне писали, что думали о путешествии на Голубую, а не на Желтую реку. Впрочем, может быть, обстоятельства заставили Вас изменить первоначальный план и направиться сначала на «Звездное море», которое не менее интересно в географическом смысле как и Лхасса или Батан. Но как может быть, что Вы только отсрочили Вашу поездку в сторону Батана, то я решаюсь послать к Вам только что отпечатанную статью Дегодена о восточном Тибете, где Вы может быть, найдете что-нибудь интересное для себя. Не взыщите, чем богат, тем и рад, да и ничего другого нового в европейской литературе по отношению к Тибету нет, если же будет, то постараюсь доставить Вам».

В том же письме Венюков высказывает любопытное предви-

дение о значении со временем для географических исследований воздушных экспедиций. Как известно, в то время воздухоплавание делало первые шаги. Венюков писал: «Довольно любопытную для будущих путешественников новость составляет устройство самодвижущегося аэростата. Но это только для будущих странствователей, ибо пока скорость аэростата не превосходит 18 верст в час по тихому воздуху: стоит подуть ветру с той же скоростью, чтобы воздухоплавание стало невозможным. При тихом же воздухе шар, устроенный французскими военными аэронавтами, Ренаром и Кребсом, летал очень исправно... Слышно, что у нас в саперном лагере, на Ижоре один саперный офицер устроит к концу сентября аэростат с еще более мощным двигателем (электрическим же) и способным двигаться при всяком ветре. Поживем, увидим, а пока уже идет речь об устройстве воздухоплавания между Англиею и Франциею, более же горячие головы трактуют о достижении полюса, хотя покамест электрический заряд двигателем расходуется весь в 4 часа и, следовательно, может поддержать движение не более как на 76 верст.

В январе 1885 года в одном из писем М. И. Венюков сообщал: «С год тому назад Indio-Office в Лондоне, отпечатана карта Гималаи и соседних земель с обозначением путей всех английских агентов, которые проникали в эти страны. Мне казалось, что эта карта могла быть очень нелишнею для Вас. Но как переслать ее? Через Пекин? Но Франция в войне с Китаем. Через Кяхту? Но неуверенность доставки оттуда в Цайдам, а тем более к подножьям зап. Куэнь-Луня смущает меня. Вот я и решил спросить в Верном, не возьмется ли Семиреченское начальство доставить конверт на Ваше имя через Кашгар или Кульджу? И что же? Получил ответ, что это-де вещь немислимая, что посланное этим путем возбудит дипломатическую переписку и в конце концов все же пойдет на Пекин и достигнет до Вас разве к концу экспедиции. Так я и не решился отправить карту».

С теплотой М. И. Венюков пишет о заслугах Пржевальского, отмеченных Итальянским Географическим обществом. «Я был очень порадован, — писал он 10 ноября 1885 года из Парижа, — назначением Вам медали итальянским географическим обществом. Кому принадлежит почин в этом деле, я еще не знаю достоверно, но кажется, что П. А. Чихачеву, живущему во Флоренции... Во всяком случае, сомневаюсь, что идея вышла из Петербурга: тамошние мокрицы и без того полны такой зависти к Вашей славе, что постоянно делают против Вас вылазки из своих щелей».

Новые факты о географических условиях стран, посещаемых Н. М. Пржевальским, нередко служили М. И. Венюкову для обоснования некоторых теоретических вопросов и географических обобщений. В конце 1885 г. он писал Пржевальскому: «Мне казалось мало, что Ваши отчеты будут немедленно известны одним географам по профессии, т. е. точнее, топографам. В Ваших отчетах я нашел материал чисто теоретического интереса, способный занять и физиков земли, в частности, метеорологии. Как воспользовался я этим материалом, Вы увидите из прилагаемой статьи, напечатанной в «Comptes rendus des 'seances de l'Academie des Sciences de Paris» (заседание 28 дек. 1885). Делаю заранее оговорку, что вся ответственность за мои выводы из Ваших наблюдений лежит на мне, и если Вы не признаете их, то опровергните, где и когда Вам будет угодно. Думаю, впрочем, что от истины я ушел недалеко».

В письме 3 ноября 1887 г. из Марселя Венюков благодарит Пржевальского за присланную фотографию Лоб-Норского правителя и высказывает предположение, что Пржевальский избрет районом исследования в пятом путешествии Манчжурию и Уссурийский край. Он писал: «Ваше письмо с фотографией Лоб-Норского правителя дошло до меня за несколько времени до моего выезда из Парижа на Панамский перешеек и Антильские острова+Тененерифа и др. Я успел еще сказать в Париже два слова о готовящемся издании Вашего четвертого путешествия, и все рады, что оно появится не более, как через полгода. А что до замышляемого Вами 5-го путешествия, то я умолчал, ибо важного, очевидно, о нем и сказать ничего было бы нельзя. Мне однако, сдается, что Вы поедете, и именно в Хинганский хребет, Манчжурию и Уссурийский край восточнее Уссури. Правительству сведения об этих местностях, собранные не новичком, а зрелым и опытным путешественником, по-моему, необходимы. Ведь не довольствоваться же ему предложенными дипломатией английскими реляциями о современном состоянии самой важной нашей азиатской соседки Манчжурии?» Однако предположение Венюкова не оправдалось. Н. М. Пржевальский разработывает план путешествия снова на Тибет и Венюков поддерживает его. 19 (31) августа 1888 г. перед отъездом из Парижа на Пиренейский перешеек М. И. Венюков писал: «Глубокоуважаемый Николай Михайлович, Ваше письмо от 15 (27) застало меня с чемоданом в руках, укладывающимся на прогулку в Пиренеях. И так мы на днях будем приблизительно под одинаковыми широтами 42—43°. Нужно ли говорить, что уместенно я буду все время смотреть прямо на восток и желать Вам всякого успеха в Вашем благом начинании? Замечу, что я здесь буду не один;

г. Дютрель-де Рэнс, один из серьезнейших географов Франции, будет также следить внимательно за известиями, русскими и английскими, о Ваших перемещениях в Тибет, который он настойчиво изучает. Он просит меня обратить Ваше внимание на дорогу, которою некогда ходили калмыки в Лхассу, через Хотан, но я думаю, что Вы и без него этим заинтересуетесь. Со своей стороны прибавлю, что как только здесь получится карта путешествия Юнгкус-байда из Яркента в Индию через Мустаг, то я вышлю ее в Кашгар, г. Громбчевскому, которому обязан и который вероятно не откажет сообщить ее Вам для просмотра. Может быть, там найдется что-нибудь интересное и для Вас. Очень жаль, что англичане запретили продажу 1-го издания карты Уокера; там, вероятно немало вещей, способных интересовать Вас, например, результаты поездок Иланиеса, Локгарта и других британских агентов, изучавших в последние годы Бахтистан и западный Тибет.

Соображая вероятную быстроту Ваших переездов, отправляю это письмо на Маргелан в Кашгар. Там, вероятно, Вы и встретите Громбчевского, если только он уже не вернулся в Фергану. Туда же, быть может, адресую я Вам и известия о том, как будет принята Ваша книга здесь. В Географическом обществе теперь вакансии, в Академии наук тоже заседания почти пусты, но недели через три в последней станет люднее, и тогда я, по возвращении домой, постараюсь завербовать какого-нибудь знакомого академика, чтобы он принял на себя доклад о Вашей книге ученому синклиту.

Я очень жалею, что не знаком лично с Вашими почтенными спутниками, гг. Роборовским и Козловым, но позвольте просить Вас передать им самое искреннее пожелание всяких успехов и новой славы.

Еще раз будьте благополучны и по-прежнему во всем удачны, несмотря на то, что англичане за Вами собираются иметь глаза и глаза. Душевно преданный Вам».

Это письмо М. И. Венюкова было последним, которое прочитал Н. М. Пржевальский. Следующее письмо было написано Венюковым 11 (23) октября 1888 г. в Париже за девять дней до смерти Н. М. Пржевальского. В нем он благодарил за присланный отчет о четвертой экспедиции и извещал, что немедленно напишет о книге рефераты во французские журналы и для газеты «Новости» в России. Упоминает о карте высланной Громбчевскому, советует по замечанию французского художника-фотографа при фотографировании видов, «особенно на сухих пластинках, ставить перед объективом тонкое желтое стекло. Я видел сделанные таким образом фотографические

виды: они удивительно отчетливы». «Желаю Вам и Вашим спутникам,— заканчивал Венюков письмо,— всякого благополучия и новой славы».

На этом переписка прерывается.

Хочется закончить статью словами М. И. Венюкова о патриотизме и гражданственности, высказанными им незадолго до своей кончины. «Мне кажется,— писал он,— что если уж существуют на свете идеи патриотизма и гражданского мужества, то на каждом служащем Родине лежит обязанность указывать обществу и правительству на больные стороны государственного организма, и что если кто, видя эти больные стороны, эти язвы, молчит о них, то он действует не только как трус-эгоист (моя хата с краю, ничего не знаю), но и как подлец».* М. И. Венюков не молчал.

Долг русских ученых воссоздать правдивый образ ученого-патриота, показать его вклад в отечественную и мировую науку.

* *М. И. Венюков. Из воспоминаний. Кн. 2, Амстердам, 1896, с. 235.*